

Алексей Борисов

**Западня
для
свингера**

18+

Алексей Борисов
Западня для свингера

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Борисов А.

Западня для свингера / А. Борисов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Случайная связь, зародившаяся между мужчиной и женщиной во время туристического похода, неожиданно для обоих начинает приносить им необычайно яркие, сильные впечатления. Но главная героиня – замужняя дама; супруг знает об адюльтере и в любой миг может прервать отношения жены с другим мужчиной. И тогда второй участник этой связи решает предложить мужу своей любовницы в качестве компенсации собственную жену. В результате попадает в такую западню, из которой не знает, как выбраться...

© Борисов А., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Слав	5
Адюльтер в большом городе	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Сплав

Я догнал их на третий день, когда вдоль русла реки начались сплошные завалы из упавших деревьев. Мужчина и женщина. Такие же любители сплава по таёжным речкам, как и я. Приткнул свою байдарку возле их, взял топор, ни слова не говоря, встал рядом с мужчиной прорубать «фарватер» среди стволов и сучьев поваленных сосен.

Так мы оказались втроем посреди леса. Ничего особенного я в том не видел. Не ждал никаких гендерных заморочек. Женщина просто терялась на фоне таёжной глуши. Слишком слабая, чтобы махать топором по пояс в холодной воде, слишком маленькая по сравнению колоннами строевых сосен. Молчаливая, так как говорить-то было и не о чем. Лишь вечерами, у костра, иногда пела тихим голосом протяжные песни, положив голову на плечо мужу и прикрыв глаза. Даже если бы я захотел уйти от них, то не смог бы: стоило пройти очередные пятьдесят метров, и вновь начинался завал, и вновь мы вынуждены были в два топора прорубать себе дорогу. Мы оказались повязанными тайгой.

Я не первый год хожу по таким вот речкам – с черной от ила водой, с взбухающими поверх речной ряби, будто хребты неведомо-таёжных Лох-Несси, коряжинами. И у меня ни разу не было никаких проблем – в одиночестве целибат переносится легко. Но когда ты просыпаешься среди ночи и вдруг чувствуешь, что рядом, на расстоянии протянутой руки, всего-то за двумя слоями палаточного полотна, крепкий и здоровый мужик раз за разом пронзает твердым, как сталь, пенисом податливое женское тело, слышишь шорох мерного движения и сдерживаемые стоны, громкое, торжествующее дыхание опорожняющего чресла самца... Тут остается единственный выход: покрепче закусить собственную руку и, зажмурившись, попытаться забыться полубредовым сном.

Пытался ставить палатку подальше от них, но все равно: в ночной тайге треск сучка слышен за километры, а тут... Кроме того, в моей черепушке уже во всю бурлили фантазии. Даже если они мирно дрыхли в своей палатке, мне, в мучительной эротической полудреме, мерещилось, будто почва подо мной колыхается волнами, передавая мне усилия сопрягающихся тел; вереницы видений переполняли измученный мозг. Я пытался считать баранов, ослов, слонов, но все эти безобидные божьи твари в моих видениях плавно преображались в фантазмагорических кентавров и дриад, фавнов и наяд, тянущихся ко мне своими невообразимыми телами.

– Да, земляк, долго ты так не протянешь! – констатировал Петр вечером у костра к концу второй недели нашего совместного плавания, глядя на черные круги под моими глазами и всклокоченную шевелюру. – Давай-ка я к тебе сегодня ночью Ольгу подошлю, разговеешься маленько, – он степенно отвел глаза.

– Рехнулся что ли? – только и смог буркнуть я.

– А что? Не по семнадцать лет уже, ревновать-то, – он усмехнулся, насмешливо глядя на мою очумевшую физиономию. – Чего только в жизни не было, чтобы теперь из-за всякой ерунды человека мучить... А не то ударит тебе моча в голову, да ты нас, чего доброго, топором пошинкуешь или лес подпалишь, что тогда? – он усмехнулся.

– Да я уж лучше врукопашную! – выдохнул перехваченным горлом.

– Да чем же это лучше? – как-то в нос, с хрипотцой хохотнула Ольга, отворачиваясь от костра...

... Я ее ждал и не ждал, изнемогая той ночью от эротической маеты, веря и не веря в вечернее обещание и ее короткий смешок; и она пришла, мелькнув на мгновение кошачьим силуэтом в разрезе палаточного лаза, полновесно качнув грудью на фоне голубеющего от звездной пыли неба, обдав прохладой ночи и запахом хвои.

– Ты с ума сошла! – просипел, отжимаясь в дальний угол палатки, но она уже скользила ко мне под одеяло – мокрая от росы, абсолютно нагая:

– Да ладно тебе! Чего уж тут! – лепетала, примыкая невесомым телом, обволакивая таинственной, русальей прохладой. – Пусти, холодно же! – прижимаясь и закидывая колено мне на бедро, опять коротко хохотнула: – Ого-го! Есть что скрывать от народа!

– Вдуй ей по самые помидоры! – заорал с другого конца поляны Петр. – Чтобы знала, где раки зимуют! – и дальше все было так, как только и могло быть: уступчивость широких и сильных бёдер... Невесомость большой, будто присыпанной тальком груди... Протяжный стон из самозабвенно приоткрытого рта... И только после первой фрикции внезапно осознал, что ее ляжки влажны не от росы, а от семени ее мужа. Эта мысль меня настолько потрясла, что, забыв обо всем, иступленно, совершенно вырубив сознание, задвигался, охваченный космогоническим видением двух млечных путей, сливающихся в бездонной глубине вагины-Вселенной...

... Утром проснулся очень поздно: Ольга и Петр уже свернули палатку и завтракали у костра. Увидев мою заспанную физиономию, Петр осклабил:

– Ну, что, оскоромился? Вижу, вижу, отоспался... – Ольга, не глядя на меня, плеснула в мою лоханку похлёбки, первая полезла в байдарку. Она вновь терялась на фоне леса и казалась очень маленькой и неуловимо ускользящей от взгляда. А произошедшее ночью становилась совсем незначительным в сравнении с перспективой километр за километром продирается сквозь завалы поваленного леса, и мы с Петром азартно, с торжествующей оглядкой друг на друга, целый день махали топорами, объединенные чем-то большим, чем общая цель: женщиной, которую мы разделили этой ночью.

Но уже на следующий день к обеду все переменялось. Ольга постепенно и тайно овладевала пространством вокруг. Она больше не растворялась на фоне леса. Ее бедра распирали старые джинсы и двигались так, будто отовсюду неслись звуки «Кармен-сюиты». Мой взгляд все чаще и чаще бессознательно упирался в ее фигурку, и в эти мгновения движения ее ресниц были подобны взмахам боевых серпов на ободьях древних колесниц. А на вторую ночь она вновь пришла ко мне – холодная, худая настолько, что казалось, будто тяжелая грудь перевешивает ее тело; с ногами, мокрыми от росы, и влагалищем, набухшим от желания и спермы ее мужа.

И еще через два дня – опять. И еще через два дня. А затем стала приходиться каждую ночь.

Меня удивило, насколько буднично мы расстались: после очередного поворота реки на высоком берегу открылась пригородная деревня с высокими палисадниками и собачьим бредом, будто выпадающим из кучевых облаков над головами; мы причалили к мосткам для стирки; беззлобно ругаясь, тащили вверх по косогору байдарки и рюкзаки, пили на заднем сиденье рейсового автобуса прямо из бутылок дрянное пиво из местного сельмага, и безумно хохотали, когда оно расплескивалось на ухабах...

В аэропорту мы уже ощущали себя абсолютно чужими; и мне, и Петру с Ольгой предстояло лететь в Москву, но разными рейсами. Без особого расчета встретиться вновь обменялись телефонами; через пару часов лайнер уже нёс меня над сединой уральских гор; мои попутчики собирались провести еще пару дней у друзей и навестить Ольгину мать.

Адюльтер в большом городе

... Через неделю после того, как я вышел на работу, все это путешествие уже казалось прожитым где-то в другой жизни. Дела захватили, закрутили, мозг заполнила тусклая, рутинная обыденность. А еще через пару недель позвонил Петр.

Мы встретились в пивном баре: сидели в углу, пили «Будвейзер», говорили ни о чем. Потом Петр вдруг сказал:

– Слушай, ты должен понять правильно. У нас с Ольгой прекрасная семья. Дети. Духовная общность. Мы понимаем друг друга. И вообще, у нас с ней все в порядке. И в смысле секса тоже. Бывают ночи, когда у нее случается по два-три прихода. То, что было у тебя с ней на речке, ничего, в принципе, не изменило. И Ольга говорит то же самое. Я не знаю, как это объяснить... Просто с тобой она кончала как-то по-особому. Говорит, будто мёдом по печенкам... Как видишь, мы ничего не скрываем друг от друга. И она опять хочет такого секса. Физиология есть физиология, – Петькины глаза бродили по залу, не задерживаясь на моем лице. – Почти месяц как сама не своя... Как кошка, которой дали понюхать валерьянку, а затем спрятали пузырьки.

– Бабья блажь! – хмуро промямлил я. Мне вовсе не хотелось вновь начинать какие-либо «треугольные» отношения. То, что случилось там, в тайге, свершилось как-то просто и вполне естественно; здесь же, в тусклой реальности большого города, это представлялось ирреальным, абсолютно невыносимым; и если честно, все то время, пока мы сидели в пивнухе, мне было жутко неловко перед Петькой за то, что происходило во время сплава. – Ты что, не знаешь женщин? Чужой мужик в охотку, пара свежих впечатлений, вот и весь «мед по печенкам», – пробормотал как можно более пренебрежительно.

– Нет. Ты это зря, – Петр тупо уставился на пену в кружке. – У Ольги были другие мужчины. Кроме меня и тебя. Но ни с кем не было так, как с тобой, – голос его стал внезапно глухим и невнятным. – Слушай, завтра – суббота. Приходи к нам с утра, – он протянул бумажку с адресом. – Не заставляй упрасивать. Мне и так непросто, – он поднял кружку и стал пить, заслоняя ею лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.